

нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21. URL: <https://www.vsrf.ru/documents/own/8308/> (дата обращения: 10.05.2020).

References

1. Iskusstvennyj intellekt v oblasti yurisprudencii [Elektronnyj resurs] [Artificial intelligence in the field of jurisprudence [Electronic resource]]. URL: <https://m.habr.com/ru/post/506086/> (data of access: 28.10.2020)].

2. Po delu o proverke konstitucionnosti polozhenij stat'i 159.4 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svyazi s zaprosom Salekhardского городского суда Yamalo-Nenetsкого автономного округа : postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 11.12.2014 № 32-P // Sobr. zakonodatel'stva RF. 2014. № 52, ch. 1, st. 7784. [In the case of checking the constitutionality of the provisions of Article 159.4 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the request of the Salekhard City Court of the Yamal-Nenets Autonomous Okrug : resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 11.12.2014 No. 32-P // Sobr. legislation of the Russian Federation. 2014. No. 52, part 1. Art. 7784.]

3. O primeneniі sudami zakonodatel'stva ob otvetstvennosti za narusheniya v oblasti ohrany okruzhayushchej sredy i prirodnopol'zovaniya : postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 18.10.2012 № 21 [On the application by courts of legislation on liability for violations in the field of environmental protection and natural resource use : resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 18.10.2012 No. 21] URL: <https://www.vsrf.ru/documents/own/8308/> (data obrashcheniya: 10.05.2020).

Станкин Алексей Николаевич

*Доцент кафедры конституционного и административного права Тольяттинского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент
E-mail: ans77@list.ru*

Соотношение правосознания и субъективных признаков юридической ответственности*

Аннотация: актуальность темы статьи определяется ролью правосознания как основы становления и существования правового

* Статья выполнена в рамках гранта Российского фонда фундаментальных исследований № 19-011-00103 А «Юридическая ответственность в правовой системе России: концепция взаимодействия, взаимосвязей и устранения противоречий с иными элементами правовой системы».

государства, а также необходимостью исследования природы правосознания, в том числе, в плане ее соотношения с субъективными признаками юридической ответственности. Предметом исследования выступают теоретические и практические аспекты правосознания, взаимосвязь последнего с субъективными признаками позитивной юридической ответственности. Научная новизна работы состоит в том, что в ней рассматриваются субъективные признаки позитивной юридической ответственности как индивидуальных, так и коллективных субъектов. Цель исследования заключается в общетеоретическом анализе соотношения правосознания и субъективных признаков юридической ответственности. Методологию исследования составили формально-юридический, аналитический методы и системный подход. Практическая значимость определяется отдельными предложениями по совершенствованию действующего законодательства и правоприменительной практики. Автор делает вывод о прямой взаимосвязи между правосознанием и субъективными признаками позитивной юридической ответственности. Без наличия определенного уровня правосознания субъекта, включающего в себя интеллектуальный аспект (наличие взглядов, идей, представлений) и психологический (чувства, эмоции, переживания, выражающие отношение людей к праву), невозможна реализация позитивной юридической ответственности. Автор исходит из того, что позитивная юридическая ответственность и правосознание являются, соответственно, внешней и внутренней сторонами правовой культуры.

Ключевые слова: правосознание, юридическая ответственность, позитивная юридическая ответственность, негативная юридическая ответственность, правовая культура.

Stankin Aleksey Nikolaevich

*Associate Professor of the department "Constitutional and Administrative law",
Tolyatti State University,
Candidate of Legal Sciences, Docent*

Correlation of Legal Awareness and Subjective Signs of Legal Responsibility

Annotation: *the author justifies the relevance of the article by the*

necessity to define the role of law-awareness as the base for building and functioning of legal state and the necessity to describe the essence of legal awareness from the point of view of its correlation with subjective signs of legal responsibility. The subject of the research is represented by theoretical and practical aspects of legal awareness and it's connection with subjective signs of positive legal responsibility. Scientific novelty is due to the fact that the author describes subjective signs of positive legal responsibility among both individual and common subjects. The purpose of the research is to make common theoretical analysis of the correlation between legal awareness and subjective signs of legal responsibility. The research methodology consists of formal legal, analytical methods and a systematic approach. The practical significance is determined by individual proposals for improving the current legislation and law enforcement practice. The author comes to the conclusion that legal awareness and subjective signs of legal responsibility are directly interrelated. Without the certain degree of legal awareness realization of positive legal responsibility is impossible. Legal awareness on the author's opinion consists of intellectual experience (views, ideas, conceptions) and physiological one (feelings, emotions, sufferings, expressing people's attitude to law). The author believes that positive legal responsibility and legal awareness are the inner and outer parts of the legal culture.

Keywords: *legal awareness, legal responsibility, positive legal responsibility, negative legal responsibility, legal culture.*

Как известно, основное назначение правового регулирования – формирование правомерного поведения субъектов общественных отношений. Не последнюю роль при этом играет юридическая ответственность, споры о понятии которой не прекращаются несколько последних десятилетий. Так, исследователи обращают внимание на связь позитивного аспекта юридической ответственности с традиционным ее пониманием как ответственности за правонарушение. Так, справедливо замечено в литературе, «нельзя не видеть того, что между ответственностью в позитивном и в негативном плане существует диалектическое единство. Чем выше уровень ответственности в позитивном смысле, тем реже имеет место ответственность в негативном» [1, с. 17; 2, с. 56].

По справедливому мнению Н. В. Витрука, «признание ответственности субъектов права в правомерном поведении и введение в научный оборот категории позитивной ответственности обогащает теорию ответственности. Наряду с самостоятельным значением этой проблемы она дает возможность глубже и полнее понять природу, смысл и

назначение ретроспективной (негативной) юридической ответственности» [3]. Более категорично высказывался академик В. Н. Кудрявцев, считающий ретроспективную ответственность специфическим методом обеспечения перспективной ответственности [4, с. 110]. Таким образом, большое значение, по его мнению, имеет именно позитивная, а не негативная ответственность.

Полагаем, что при узком подходе невозможно выявить мотивы правомерного поведения, либо же они сводятся к тому, что субъекты права не совершают правонарушения из-за страха быть наказанными. Считаем, что, как минимум, некорректно определять страх как единственный сдерживающий мотив от совершения правонарушения. Данный подход демонизирует государство, с одной стороны, и унижает человека — с другой. Полагаем, возможно, и наивно, что такие взаимоотношения между государством и личностью должны остаться в прошлом. Государство, основанное на страхе, вряд ли можно назвать правовым. Наверняка большинство из нас, соблюдая закон, руководствуются не страхом, а иными причинами. Мы исходим из того, что юридическая ответственность обладает как негативным, так и позитивным аспектом.

Позитивная форма ответственности, в свою очередь, имеет свои субъективные признаки. В частности, Д. А. Липинский связывает реализацию юридической обязанности с ее осознанием и волей субъекта. «После осознания требуемой правовой модели поведения субъект вырабатывает к ней психическое отношение, которое в дальнейшем воплощается в деянии субъекта (опредметчивается). При этом характер психического отношения субъекта зависит от содержания мотивов, уровня правосознания, нравственности субъекта. От содержания мотивов зависит вид правомерного поведения» [5, с. 42–43].

При этом позитивная ответственность реализуется в рамках правоотношений. Так, в литературе субъективную сторону добровольной юридической ответственности характеризуют следующими признаками: позитивным психическим отношением (антипод вины, отсутствие вины), мотивом, целью, эмоциональным состоянием лица. Позитивное психическое отношение включает в себя сознание, волю, мотивы. Интеллектуальный элемент составляет сознание правовых и моральных норм (сознание значимости своего поведения). Волевой элемент означает способность осознавать нормы и руководить своими действиями [6, с. 12].

Само право проявляется в волевом (свободном, мотивированном, заинтересованном) действии индивида, направленном на возникновение, изменение или прекращение общественного отношения, признаваемом другими индивидами (правоотношения) и обществом в целом

(нормативная модель правоотношения). Соответственно, такое действие и общественное отношение как его результат являются регулятивными правовыми действиями и отношениями (правовыми и нормативными средствами регулирования)[7].

В сфере права воля и сознание направлены, прежде всего, на усвоение и осознание правовых норм и контроль поведения, вследствие чего и вырабатывается психическое отношение. Важную роль при этом играют мотивы, которыми руководствуется субъект, совершая те или иные действия. В. В. Оксамытный, в зависимости от мотивов поведения выделял несколько типов правомерного поведения (маргинальное, конформистское, привычное и социально активное правомерное поведение).

Первый из перечисленных типов поведения — маргинальное поведение — ученый характеризовал как правомерное, поскольку лицо, относящееся к правовым предписаниям неодобрительно, все же идет на их исполнение и в этой степени его поступки соответствуют требованиям закона, хотя с ними расходится сложившееся индивидуальное правосознание личности [8, с. 132]. В данном случае лицо воздерживается от совершения правонарушения по мотивам невыгодности совершения таких поступков, руководствуясь при этом личным расчетом или страхом перед наказанием. Между тем данное поведение характеризуется как пограничное, обусловленное своеобразной борьбой ценностей в сознании личности. Эта грань весьма тонкая, достаточно небольшого триггера, какого-либо провоцирующего фактора, чтобы такому типу личности перейти на другую сторону закона.

Следующий тип поведения — конформистский — во многом основан на преобладании группы людей над личностью. Последняя характеризуется пассивностью, приспосабливается к коллективу во избежание возможных конфликтов. Действую как все, или «синдром толпы» — руководящая и направляющая модель поведения личности такого типа. Данный тип личности нередко лишен социальной активности.

Привычное поведение, в отличие от предыдущего типа, индивидуализировано и заключается сознательном исполнении установленных правовых норм. При этом волевой момент такого поведения характеризуется своеобразной привычкой действовать в рамках установленных социальных норм, в том числе и в рамках правовых норм.

Социально активное поведение личности, по классификации В. В. Оксамытного, является идеальным типом поведения, основанным, во-первых, на наличии юридических знаний и выработанных на их основе оценок по отношению к праву, во-вторых, на готовности действовать в

соответствии с ними [8, с. 178]. Важно не только интеллектуальное осмысление, но и эмоциональное восприятие правовых принципов и понятий, отражение их в чувственной сфере жизни человека и соединение с оценкой [8, с. 179]. Воспринимая или не воспринимая их на субъективном уровне, личность проявляет вонне правовые убеждения, которые могут быть выражены диаметрально противоположно, от уважения к закону, до правового нигилизма.

На наш взгляд, помимо типов правомерного поведения, обозначенных В. В. Оксамытным, следует выделить еще один обособленный вид поведения – злоупотребление правом, т. е. социально вредное поведение, но осуществляемое в рамках правовых норм. Такой вариант поведения нередко связан с несовершенством законодательства и правоприменительной практики (например, такое явление, как выдача микрозаймов под несоразмерно большие проценты, потребительский экстремизм и т. д.). Однако не последнюю роль в данном случае играют цель, мотив и воля лица, злоупотребляющего правом. Многие зависит от правовой культуры, общего культурного и образовательного уровня субъекта. Следует отметить, что проблема правовой культуры касается самых различных аспектов жизнедеятельности человека, этот вопрос связан также и с общекультурным развитием личности. Уровень законности и правопорядка, безусловно, будет выше в том обществе, где сформировался высокий уровень культуры в целом. Как справедливо отмечал Н. И. Матузов, «суть правовой культуры гражданина можно выразить следующей формулой: знать – уважать – соблюдать» [9, с. 123]. В свою очередь, право является социально эффективным, если оно отвечает интересам общества, направлено на развитие личности. В этом случае право будет вызывать положительные эмоции. Соответственно, это будет способствовать развитию правосознания и правовой культуры. Пока же практически любые законодательные новации вызывают воспринимаются гражданами крайне неодобрительно. Во многом это является следствием отсутствия диалога между гражданами и лицами, облеченными властью.

В литературе небезосновательно определяют позитивно ответственное, или правомерное, поведение как внешнюю (видимую) часть правовой культуры, при этом к внутренней (невидимой) ее части относят правосознание субъектов в форме их правовых знаний и правовой убежденности, мотивирующих и направляющих их правомерную деятельность [10, с. 20]. В свою очередь, правосознание дифференцируется на правовую идеологию, отражающую концептуально оформленные идеи о праве, и правовую психологию, отражающую внутренние психологические переживания людей относительно их представлений о

праве [11]. Правовые знания субъекта не всегда являются залогом правомерного поведения личности. Необходимы внутренние установки, восприятие субъектом права как ценности. Увы, нередки случаи, когда высокопоставленные руководители правоохранительных органов, обладающие хорошими правовыми знаниями, используют их в корыстных целях. И. А. Ильин связывал «нормальное правосознание» не столько со знанием права, сколько с нравственно-духовной стороной человеческой жизни [12, с. 83]. Таким образом, важна не только интеллектуальная составляющая правосознания в виде усвоения и осознания требований правовых норм, важно и психическое отношение субъекта к действующему праву. Кроме того, имеет значение отношение субъекта к исполнению правовых предписаний. Здесь большую роль играют правовые установки, правовые цели, правовые стимулы. Правовые установки, выступая важнейшим целевым ориентиром, стимулируют правовую активность, побуждая субъектов права к правомерному поведению, а их специфика, определяемая волевой природой правового сознания, заключается в наполнении его смыслом [13, с. 41]. Правовые цели — это будущий результат, к которому стремятся субъекты правотворческой и правоприменительной деятельности. Под правовым стимулом А. В. Малько понимает «правовое побуждение к законопослушному поведению, создающее режим благоприятствования для удовлетворения собственных интересов субъекта», при этом правовые стимулы, по мнению ученого, основываются на свободе выбора, взаимной выгоде (личности и общества) и позитивно-созидательных началах [14, с. 43].

Правосознанию принадлежит определяющая роль в различных сферах правовой жизни. Оно составляет внутреннюю детерминанту любой юридической деятельности, будь то правотворческой или правоприменительной. Правосознание в правотворческом процессе реагирует на социально-экономические и политические процессы, требующие правовой регламентации. Их осознание воплощается в правовых нормах. Ответственность в правотворческой сфере может проявляться в выявлении потребности в правовой регламентации тех или иных общественных отношений, критической оценке действующих правовых норм, своевременности принятия новых нормативных правовых актов, отмене устаревших. Кроме того, субъекты правотворческой деятельности несут ответственность за соответствие принимаемых ими актов Конституции, законам, иным вышестоящим актам, а также за качество таких актов [15]. В сфере правоприменения правосознание играет решающую роль при разрешении конкретных юридических коллизий, принятии правоприменительных актов.

Правосознание, как и право, не является застывшим явлением. В отдельные периоды, связанные с радикальной сменой власти, государство может обходиться без права, а правосознание, основанное на нем, подменяется так называемым «революционным правосознанием», по сути, открывающим путь к жесточайшему произволу. К слову, чрезвычайные ситуации диктуют необходимость особого подхода к действительности, принятия особых мер правового и организационного характера, что предопределяет новые классификации правового массива. Изучение формирующегося законодательного массива наводит на размышления о наличии предпосылок для дифференциации циклических правовых массивов, их классификации (на массивы постоянного и временного действия; ординарные и экстраординарные и др.). Это очередной шаг в развитии теоретического знания об этом явлении. В отличие, например, от антикоррупционного законодательства, которое является циклическим образованием в праве, «антикризисное законодательство», вероятно, обладает свойствами переменного (временного) действия, ситуационной активности, способностью «переключаться» в «спящий» режим, обеспеченностью механизмами «активации» и «деактивации». Развитие такого массива в правовой системе ориентирует на создание и использование регулятивных «шаблонов» и алгоритмов оперативного перестроения правового регулирования на «чрезвычайные рельсы» по аналогии с заранее предусмотренными возможностями и сценариями, например, перепрофилирования макаронной фабрики на производство патронов, общеобразовательных учреждений – в госпиталь с бомбоубежищем (как это было в СССР после Великой Отечественной войны) [16]. Кризисные явления в жизни общества и государства меняют представления о праве и правовом регулировании, обуславливают изменение композиции правового пространства, в котором появляются неизвестные традиционной юридической науке явления и феномены. Таким новым феноменом является вируспруденция – процесс правового опосредования мер по противодействию распространению новой коронавирусной инфекции (COVID-19) и принимаемых в результате нормативных правовых актов, затрагивающих самые разные сферы общественных отношений. Эти акты образуют нормативный правовой массив, который по своим характеристикам и внешним признакам тяготеет к циклическим массивам. В условиях формирования данного циклического нормативного правового массива возрастает роль мониторинга принимаемых актов, правотворческой и правоприменительной практики в целях получения, исследования и учета данных о сложившейся ситуации и ее развитии в рамках прогнозирования [17].

Основная часть населения, в силу разных причин, не обладает глубокими правовыми познаниями, вместе с тем, в большинстве своем действует, исходя из общих представлений о праве и морали и иных социальных нормах, которые нередко созвучны. В частности, фраза, сформулированная в нагорной проповеди Иисуса Христа: «Итак, во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки», являющаяся золотым правилом морали, нашла свое отражение в действующей Конституции РФ (ч. 3 ст. 17) [18].

Важность повышения уровня правосознания подчеркивается в Основах государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан [19], согласно которым, государство создает условия, обеспечивающие развитие правовой грамотности и правосознания граждан. При этом в качестве важнейшей задачи государства обозначена пропаганда и разъяснение необходимости соблюдения гражданами своих обязанностей, правил общежития, уважения прав и законных интересов других лиц независимо от расы, национальности, языка, отношения к религии, убеждений и других обстоятельств [19]. Качеством и уровнем развития правосознания предопределяется степень защищенности прав и свобод человека, а также состояние законности и правопорядка.

На сегодняшний день Россия находится в «призерах» по количеству осужденных на душу населения, при этом данный показатель практически на порядок выше, чем, например, у соизмеримой по численности населения Японии. Разумеется, нужно брать в расчет специфику правовой системы и судопроизводства у той или иной страны, но количество оправдательных приговоров в современной России менее 0,4 %. Между тем в РСФСР в 1935 г. народными судами было вынесено 10,2 % оправдательных приговоров (к общему числу привлеченных к ответственности); в 1936 — 10,9 %; в 1937 — 10,3 %; в 1938 — 13,4 %; в 1939 — 11,1 %; в 1941 г. — 11,6 % [20, с. 306].

Отрицательное воздействие на правосознание граждан оказывает очевидная несправедливость отношения правоохранительной системы и правосудия к гражданам в зависимости от их социального или материального положения. Так, большой резонанс вызвало вынесенное семидесятилетней пенсионерке наказание в виде одного года условно за кражу продуктов питания на сумму чуть более 600 рублей на фоне чисто символической «кары» для руководителя одного из подразделения Министерства обороны РФ за хищения на сотни миллионов рублей. При этом другой ключевой фигурант данного дела, лишившись должности министра, регулярно получает далеко не последние должности в стратегически важных госкорпорациях.

Повышение уровня правосознания — это, прежде всего, результат правового просвещения. Между тем в высшей школе на неюридических специальностях правовое обучение ограничено курсом «правоведение», часы на изучение которого год от года сокращаются. В средней школе отсутствуют курсы, акцентированные на изучении права. Имеющее место «обществознание» находится на стыке социологии, политологии и юриспруденции.

Мощным инструментом по несению правовых знаний в массы могли бы стать СМИ, однако данный ресурс практически не задействован. На телевидении мероприятия по повышению уровня правовой культуры ограничены околосудебными гламурными ток-шоу. Интернет-ресурсы с соответствующим контентом пока еще не получили должного развития. Считаем необходимым формирование целевых программ по повышению правовой грамотности во исполнение Основ государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан, причем федерального уровня, поскольку финансовые возможности у субъектов Федерации различные. Соответственно, перенесение на плечи субъектов РФ обязанности по формированию таких целевых программ приведет к нарушению принципа равноправия граждан.

Большое значение имеет профилактика правонарушений. Соответствующий закон был принят в 2016 г. [21] Им определены организационные основы функционирования системы профилактики правонарушений, конкретизированы полномочия соответствующих субъектов. Представляется, что более эффективным является не преодоление последствий уже совершенных правонарушений, а их предотвращение, т. е. приоритетной должна стать превентивная составляющая. Необходим комплексный подход к профилактике правонарушений: требуется взаимодействие всех правоохранительных органов и общественных структур, объединение их в единый механизм, что представляется возможным только при высокой степени координации, слаженности деятельности субъектов профилактики правонарушений и лиц, участвующих в профилактике правонарушений, что будет способствовать предупреждению преступности на общесоциальном уровне [22].

Статья 7 Федерального закона от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» устанавливает императивное правило, согласно которому органы государственной власти всех уровней обязаны разрабатывать государственные программы Российской Федерации в сфере профилактики правонарушений и государственные программы субъектов

Российской Федерации в сфере профилактики правонарушений соответственно. При этом финансирование расходов, связанных с реализацией государственных или муниципальных программ в сфере профилактики правонарушений, осуществляется за счет и в пределах средств, выделенных соответствующим субъектам профилактики правонарушений.

Среди форм профилактического воздействия, в числе прочих, в ст. 17 Федерального закона от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» обозначены правовое просвещение и правовое информирование. Между тем федеральным законодателем широко практикуется принятие законов с формулировкой «вступает в силу с момента официального опубликования». Данную практику считаем ущербной, поскольку граждане и иные правоприменители по объективным причинам не успевают ознакомиться с новыми правилами. Нередко позитивное инициативное поведение граждан, во всяком случае, изначально, не находит понимания у работников правоохранительных органов. В частности, в отношении одного предпринимателя, самостоятельно нашедшего гражданина, похитившего из его магазина товар на крупную сумму и доставившего его в отделение полиции, возбудили дело о похищении человека. И неизвестно, чем закончится данное дело для предпринимателя, учитывая тенденциозность нашей правоохранительной системы. Есть немало случаев, когда правоохранители в отношении граждан, защитивших свою жизнь и жизни своих близких от вооруженных преступников, проникших в жилые помещения, изначально возбуждают уголовные дела по ст. 105 УК РФ, и лишь под воздействием общественного мнения ситуация (в некоторых случаях) меняется в противоположную сторону. Если дело происходит в крупном городе, — это одно, в малом населенном пункте — другое. Информационная ценность, увы, не та. Не часто удается спасти «маленького человека» из провинции, если он не член журналистского профсоюза. Считаем, что государство обязано всесторонне поощрять социально активное поведение граждан, направленное на защиту общественных и государственных интересов. К сожалению, сложившаяся на данный момент практика свидетельствует об обратном.

В теории права помимо индивидуального выделяют коллективное (общественное) правосознание. Сам термин «коллектив» (от лат. *collectivus* — собирательный) принято понимать в узком и широком аспектах. В первом случае — это группа, совокупность людей, работающих в одной организации, на одном предприятии, во втором — группа людей, объединенных общими идеями, интересами [23].

Соответственно, можно говорить о коллективе, с позиции взаимодействия людей, составляющих коллектив, как между собой, внутри коллектива, так и о взаимодействии отдельного коллектива с другими коллективными и индивидуальными субъектами. Как и «индивидуальное, общественное правосознание имеет две стороны – внутреннюю (коллективное представление о праве) и внешнюю (социальная практика по воплощению представлений о праве)» [24].

Нужно сказать, что в научной литературе не так часто говорится о позитивной ответственности коллективных субъектов. Между тем анализ, например, норм международного и конституционного права позволяет говорить именно о преобладании в них именно такого вида ответственности в отношении государства, органов государственной власти, партий и т. д. Более того, норма ч. 2 ст. 15 Конституции РФ обязывает соблюдать Основной Закон РФ и законы органы публичной власти, граждан и их объединения, в связи с этим представляется необходимым проанализировать субъективные признаки позитивной юридической ответственности коллективного субъекта.

Например, в деятельности парламента в идеале играет роль осознание всеми депутатами (или их большинством) своей ответственности за принятие законов, соответствующих Конституции РФ. Ее реализация есть воплощение коллективной воли, выраженной всеми или большинством парламентариев. Мотивы ответственного поведения парламентариев, составляющих парламент, при этом могут быть различны: боязнь наступления негативной ответственности в виде роспуска парламента, конформное поведение, партийная дисциплина и т. д.

Другой пример. Закон обязывает политические партии принимать участие в выборах. В данном случае имеет значение осознание своей обязанности соблюдать требования закона. Реализация данной обязанности возможна только посредством выражения коллективной воли членов партии. Мотивы ответственного поведения также могут быть различными: ответственное поведение перед сторонниками партии, боязнь наступления негативной ответственности в виде ликвидации политической партии и др.

Субъективную сторону как коллективного, так и индивидуального субъекта добровольной юридической ответственности характеризует отсутствие вины.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы. Позитивно ответственное поведение и правосознание являются, соответственно, внешней (видимой) и внутренней (невидимой) частями правовой культуры. Добровольная форма юридической ответственности,

как и правосознание, условно говоря, включает в себя как интеллектуальный, так и волевой аспекты. О позитивно ответственном поведении, как и о правосознании невозможно вести речь без усвоения требований правовых норм. В то же время право, не получившее эмоциональной оценки субъекта, не обретает качество регулятора. Психическое отношение к праву является определяющим для выбора субъектом варианта поведения вовне. Позитивное психическое отношение к правовым предписаниям, к правовой действительности является необходимым условием для достаточно высокого уровня правосознания, являющегося, в свою очередь, предпосылкой для позитивно ответственного поведения субъекта. При этом позитивное психическое отношение к деянию, основанное на осознании правовых норм и принципов, ценности права, относится к субъективной стороне позитивной юридической ответственности.

Пристатейный библиографический список

1. Радько Т. Н. Юридическая ответственность как общая форма реализации социальных функций права, Юридическая ответственность в советском обществе. Волгоград : МВД СССР, 1974. С. 12–18.
2. Хачатуров Р. Л., Ягутян Р. Г. Юридическая ответственность. Тольятти : МаБиБД, 1995.
3. Витрук Н. В. Общая теория юридической ответственности. 2-е изд., испр. и доп. М. : НОРМА, 2009.
4. Кудрявцев В. Н. Закон, поступок, ответственность. М. : Наука, 1986.
5. Липинский Д. А. Концепции позитивной юридической ответственности в отечественной юриспруденции // Журнал российского права. 2014. № 6. С. 37–51.
6. Савченко С. А. Роль конституционной правовой политики в формировании правосознания // Омбудсмен. 2014. № 1. С. 3–9.
7. Попондопуло В. Ф. Правопонимание: критический обзор основных концепций // Российский юридический журнал. 2020. № 3. С. 15–29.
8. Липинский Д. А. Психологические характеристики позитивной юридической ответственности // Прикладная юридическая психология. 2016. № 3. С. 6–13.
9. Оксамытный В. В. Правомерное поведение личности (теоретические и методологические проблемы) : дис. ... д-ра. юрид. наук. Киев, 1990.
10. Теория государства и права : учебник / под ред. Н. И. Матузова,

А. В. Малько. М. : Юристь, 2004.

11. Бондарев А. С. Юридическая ответственность и безответственность стороны правовой культуры и антикультуры субъектов права : Юридический центр Пресс, 2008.

12. Ильин И. А. О сущности правосознания. // Философия права. Нравственная философия. Соч. : в 2 т. Т. 1. М. : Московский философский фонд : Медиум, 1993.

13. Бондаренко М. В., Строева О. А. Правовые установки как детерминирующий фактор правомерного поведения субъектов права // Юридическая наука. 2018. № 3. С. 36–42.

14. Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве : теоретико-информационный аспект / Саратовская государственная академия права ; под ред. Н. И. Матузова. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1994.

15. Приветственное слово директора Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ Т. Я. Хабриевой участникам XV Международной школы-практикума молодых ученых-юристов «Конституция и модернизация законодательства» (Москва, ИЗиСП, 27 мая 2020 г.). URL: https://izak.ru/img_content/privetstvennoe-slovo-talii-yarullovnuy-habrievoj-2.pdf (дата обращения: 11.09.2020).

16. Черногор Н. Н., Залоило М. В. Метаморфозы права и вызовы юридической науке в условиях пандемии коронавируса // Журнал российского права. 2020. № 7. С. 5–26.

17. Короткова О. И. Правосознание, его правореализация и роль в правотворческом процессе // Государственная власть и местное самоуправление. 2013. № 1. С. 5–9.

18. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993; с изм, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

19. Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан : утв. Президентом РФ 28.04.2011 № Пр-1168 // Российская газета. 2011. 14 июля.

20. Кожевников М. В. История советского суда (1917—1947). М. : Юриздат. Минюста СССР, 1948.

21. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации : федеральный закон РФ от 23.06.2016 № 182-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

22. Соловьева Ю. И. Профилактика правонарушений // СПС «КонсультантПлюс».

23. Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б.

Современный экономический словарь. 6-е изд., перераб. и доп. М. : ИНФРА-М, 2011.

24. Анощенкова С. В. Механизм легитимации норм морали (уголовно-правовой аспект) // Lex russica. 2016. № 8. С. 33–47.

References

1. Rad'ko T. N. YUridicheskaya otvetstvennost' kak obshchaya forma realizacii social'nyh funkcij prava, YUridicheskaya otvetstvennost' v sovetskom obshchestve. [Legal responsibility as a general form of implementation of social functions of law, Legal responsibility in Soviet society.] Volgograd : MVD SSSR, 1974. P. 12–18.

2. Hachaturov R. L., YAgutyan R. G. YUridicheskaya otvetstvennost'. [Legal responsibility.] Tol'yatti : MaBiBD, 1995.

3. Vitruk N. V. Obshchaya teoriya yuridicheskoy otvetstvennosti. 2-e izd., ispr. i dop. [General theory of legal responsibility. 2nd edition, revised and enlarged] M.: NORMA, 2009.

4. Kudryavcev V. N. Zakon, postupok, otvetstvennost'. [Law, deed, responsibility.] M. : Nauka, 1986.

5. Lipinskij D. A. Konceptii pozitivnoj yuridicheskoy otvetstvennosti v otechestvennoj yurisprudencii // ZHurnal rossijskogo prava. [Concept of positive legal responsibility in domestic jurisprudence // Journal of Russian law.] 2014. № 6. P. 37–51.

6. Savchenko S. A. Rol' konstitucionnoj pravovoj politiki v formirovanii pravosoznaniya // Ombudsmen. [The role of constitutional legal policy in the formation of legal consciousness // Ombudsman.] 2014. № 1. P. 3–9

7. Popondopulo V. F. Pravoponimanie: kriticheskij obzor osnovnyh koncepcij // Rossijskij yuridicheskij zhurnal. [Legal understanding: a critical review of the main concepts // Russian legal journal.] 2020. № 3. P. 15–29.

8. Lipinskij D. A. Psihologicheskie harakteristiki pozitivnoj yuridicheskoy otvetstvennosti // Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya. [Psychological characteristics of positive legal responsibility // Applied legal psychology.] 2016. № 3. P. 6–13.

9. Oksamytnyj V. V. Pravomernoe povedenie lichnosti (teoreticheskie i metodologicheskie problemy) : dis. ... d-ra yurid. nauk. [Legal behavior of the individual (theoretical and methodological problems) : authorial thesis for doctoral degree of the legal sciences] Kiev, 1990.

10. Teoriya gosudarstva i prava : uchebnik / pod red. N. I. Matuzova, A. V. Mal'ko. [Theory of state and law: textbook / edited by N. I. Matuzov, A. V. Malko.] M. : YUrist', 2004.

11. Bondarev A. S. YUridicheskaya otvetstvennost' i

bezotvetstvennost' storony pravovoj kul'tury i antikul'tury sub"ektov prava [Legal responsibility and irresponsibility of the side of legal culture and anti-culture of subjects of law] М. : YUridicheskij centr Press, 2008.

12. Il'in I. A. O sushchnosti pravosoznaniya. // *Filosofiya prava. Nравstvennaya filosofiya*. Soch. : v 2 t. T. 1. [On the essence of legal awareness. // *Philosophy of Law. Moral philosophy. Works* : in 2 volumes. Vol. 1.] М. : Moskovskij filosofskij fond : Medium, 1993.

13. Bondarenko M. V., Stroeva O. A. Pravovye ustanovki kak determiniruyushchij faktor pravomernogo povedeniya sub"ektov prava // *YUridicheskaya nauka*. [Legal attitudes as a determinant factor of legitimate behavior of subjects of law // *Legal Science*.] 2018. № 3. S. 36–42.

14. Mal'ko A. V. Stimuly i ogranicheniya v prave : teoretiko-informacionnyj aspekt / *Saratovskaya gosudarstvennaya akademiya prava* ; pod red. N. Y. Matuzova [Incentives and restrictions in law: theoretical and informational aspect / *Saratov State Academy of Law*; edited by N. Y. Matuzov] Saratov : Izd-vo Sarat. un-ta, 1994.

15. Privetstvennoe slovo direktora Instituta zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve RF T. YA. Habrievoj uchastnikam XV Mezhdunarodnoj shkoly-praktikuma molodyh uchenyh-yuristov «Konstituciya i modernizaciya zakonodatel'stva» [Welcoming speech of the Director of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation T. Ya. Khabrieva to the participants of the XV International School-Practicum for Young Scientists-Lawyers "Constitution and Modernization of Legislation" (Moscow, IZiSP, 27.05.2020).] (Moskva, IZiSP, 27.05.2020). URL: https://izak.ru/img_content/privetstvennoe-slovo-talii-yarullovny-habrievoj-2.pdf (data obrashcheniya: 11.09.2020).

16. CHernogor N. N., Zaloilo M. V. Metamorfozy prava i vyzovy yuridicheskoy nauke v usloviyah pandemii koronavirusa // *ZHurnal rossijskogo prava*. [Metamorphoses of law and challenges to legal science in the context of the coronavirus pandemic // *Journal of Russian law*.] 2020. № 7. P. 5–26.

17. Korotkova O. I. Pravosoznanie, ego pravorealizaciya i rol' v pravotvorcheskom processe // *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie*. [Legal awareness, its legal implementation and role in the law-making process // *State power and local government*.] 2013. № 1. P. 5–9.

18. Konstituciya Rossijskoj Federacii : prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993; s izm. odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01.07.2020 // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii [The Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on

12.12.1993; with rev. approved during the all-Russian vote on 07/01/2020 // Official Internet portal of legal information] <http://www.pravo.gov.ru>.

19. Osnovy gosudarstvennoj politiki Rossijskoj Federacii v sfere razvitiya pravovoj gramotnosti i pravosoznaniya grazhdan : utv. Prezidentom RF 28.04.2011 № Pr-1168 // Rossijskaya gazeta. [Fundamentals of the state policy of the Russian Federation in the development of legal literacy and legal awareness of citizens: approved. President of the Russian Federation 28.04.2011 No. Pr-1168 // Rossiyskaya Gazeta.]

20. Kozhevnikov M. V. Istoriya sovetskogo suda (1917—1947). [History of the Soviet court (1917-1947)] M. : YUrizdat. Minyusta SSSR, 1948.

21. Ob osnovah sistemy profilaktiki pravonarushenij v Rossijskoj Federacii : Federal'nyj zakon RF ot 23.06.2016 № 182-FZ Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii [On the fundamentals of the crime prevention system in the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation dated 23.06.2016 No. 182-FZ Official Internet portal of legal information] URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

22. Solov'eva YU. I. Profilaktika pravonarushenij // SPS «Konsul'tantPlyus» 2020. [Prevention of offenses // ATP "ConsultantPlus" 2020]

23. Rajzberg B. A., Lozovskij L. SH., Starodubceva E. B. Sovremennyj ekonomicheskij slovar'. 6-e izd., pererab. i dop. [Modern economic dictionary. 6th ed., revised and enlarged] M. : INFRA-M, 2011

24. Anoshchenkova S. V. Mekhanizm legitimacii norm morali (ugolovno-pravovoj aspekt) // Lex russica. [Mechanism of legitimation of moral norms (criminal law aspect)] // Lex russica.] 2016. № 8. P. 33–47 .